

руют влияние Бердсли на европейское и английское искусство. Льюис помещает Бердсли в широкий контекст изобразительного искусства рубежа XIX–XX вв. и ставит его достижения в графике рядом с постимпрессионизмом и экспрессионизмом. Высоко оценивая новаторство Бердсли, он видит в поздних балетах Дягилева его живое продолжение, отмечая их специфику.

Библиографический список

1. Красавченко, Т. Н. Английская литературная критика XX века / Т. Н. Красавченко. – М.: ИНИОН, 1994. – 282 с.
2. Кабанова, И. В. Английский роман тридцатых годов XX века / И. В. Кабанова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 99 с.

Овчарова Екатерина Эдуардовна

канд. экон. наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
ekbs@yandex.ru

НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА ЭРАЗМА ДАРВИНА В РОМАНЕ БОНАВЕНТУРЫ «НОЧНЫЕ БДЕНИЯ» («NACHTWACHEN», 1805)

В этой статье идёт речь о романе Бонавентуры «Ночные бдения» В какой-то мере это роман воспитания, заканчивающийся полным разочарованием повзрослевшего героя абсолютно во всём Герой «Nachtwachen» стремится к познанию мира, знает о нём практически всё, что можно было знать к 1804 г., но это знание приносит ему лишь печаль. В частности, он делает довольно-таки обширные экскурсы в биологию, для чего обращается к знаменитому в то время английскому автору Эразму Дарвину (1731–1802), деду Чарлза Дарвина. Это был врач, знаменитый в своё время ученый-энциклопедист литератор. Он предполагал связь между человеком и обезьяной.

Ключевые слова: Бонавентура, Эразм Дарвин, «Ночные бдения», «Храм Природы».

В этой статье идёт речь о романе Бонавентуры «Ночные бдения» («*Nachtwachen*», 1805). Бонавентура – это псевдоним, он не раскрыт до сих пор, и вряд ли когда-нибудь это произойдёт. В качестве автора романа достаточно долго рассматривался философ Фридрих Шеллинг. Собственно, Бонавентура и есть псевдоним Шеллинга, под которым философ к моменту выхода романа уже напечатал четыре стихотворения в «Альманахе муз на 1802 год». Таким образом, в этой атрибуции долго не было никакого сомнения, она была указана и в литературных справочниках первой половины XIX в. Но поскольку сам Шеллинг по какой-то причине весьма настойчиво отрицал своё авторство – есть сведения, что философ скупал экземпляры романа для уничтожения и говорил знакомым, что не хочет даже слышать о романе, то постепенно вопрос сделался дискуссионным, и к концу XIX в. никакой уверенности в правильности его решения уже не было. Авторство приписывали целому ряду известных писателей. Тем не менее российский биограф философа, Арсений Владимирович Гулыга, был убеждён в том, что произведение создано Шеллингом, поэтому включил в биографию философа подробный пересказ романа Бонавентуры [2, с. 133–148]. Впрочем, в статье к русскому изданию романа 1990 г. сам же Гулыга указывает еще на одного возможного автора – или соавтора, Каролину Шеллинг, жену философа [3].

В какой-то мере это роман воспитания, заканчивающийся полным разочарованием повзрослевшего героя абсолютно во всём – и такой исход представляется вполне логичным завершением причудливо развивающегося действия. Рассказ

героя, от лица которого ведётся рассказ, поэта-неудачника и ночного сторожа в небольшом немецком городке, подчинен скорее музыкальной, чем повествовательной логике. Поэтический дискурс прозаического произведения не был, разумеется, новостью со времени «Страданий юного Вертера» [4], но поскольку произведение Бонавентуры имело непривычную для современников нарративную основу, то успеха оно не имело.

Герой «*Nachtwachen*» стремится к познанию мира, знает о нём практически всё, что можно было знать к 1804 г., но это знание приносит ему лишь печаль. В отличие от авторов народных книг о Фаусте, которые, в силу низкого образовательного уровня, не имели возможности адекватно представить то знание, за которое Фауст продавал душу, Бонавентура представляется ходячей энциклопедией современной ему эпохи. Он был необычайно сведущ в достижениях науки своего времени, так что его роман представляют собой удивительные панорамы европейской цивилизации первой половины XIX в. В частности, он делает довольно-таки обширные экскурсы в биологию, для чего обращается к знаменитому в то время английскому автору.

В XVIII в. ученый мир тоже хорошо знал Дарвина, но другого, чем знаем мы – Эразма. И он, как и известный нам Дарвин, предполагал связь между человеком и обезьяной. Бонавентура пишет: «... согласно доктору Дарвину, прологом к человеческому роду и его провозвестником является собственно обезьяна, существо, бесспорно, куда более бестолковое, нежели просто дурак, а, стало быть, мои и ваши мысли и чувства лишь с течением времени несколько утончились и облагородились, хотя они выдают свое происхождение, все еще оставаясь мыслями и чувствами, вполне способными возникнуть в голове и сердце обезьяны» [1, с. 86–88]. Теория эта обсуждалась в образованном сообществе как некий курьёз и принималась к сведению.

Эразм Дарвин (1731–1802) – дед Чарлза Дарвина, врач, знаменитый в своё время ученый-энциклопедист-литератор. Являлся одним из наиболее значимых деятелей английского Просвещения. Имел многочисленные научные труды и обширную врачебную практику, состоял последовательно в нескольких браках, в том числе гражданских, у него было изрядное количество высокоталантливых детей. Сокрушительный дар предвидения не отказывает Бонавентуре, когда он предвещает явление *другого доктора*, способного причислить к предкам человека и иных тварей, кроме довольно-таки антропоморфной обезьяны. Бонавентура заключает эти свои умозаключения горькой шуткой: «...так как многие люди, стоит прикрыть им нижнюю половину лица и рот, расточающий блистательные слова, обнаруживают в своих физиономиях броское фамильное сходство особенно с хищными птицами, как, например, с ястребами и соколами, да и старинная знать могла бы возводить свои родословные скорее к хищникам, нежели к обезьянам, что явствует, не говоря уже об их пристрастии к разбою в средние века, из их гербов, куда они вводили по большей части львов, тигров, орлов и тому подобных диких бестий» [1, с. 86–88].

Возникает вопрос, а было ли доступно в Германии к моменту выхода в свет романа Бонавентуры итоговое произведение первого энциклопедиста из рода Дарвинов, поэма «Храм Природы» («*The Temple of Nature*», опубликована посмертно в 1803 г.), на которое ссылается Александр Викторович Михайлов, в данном случае выступающий как комментатор к российскому изданию «Ночных бдений», а также и Гулыга? [1, с. 233, 242] На самом деле разница во времени публикации

обеих книг составляла несколько месяцев, но были широко известны другие труды Эразма Дарвина, идеи которых предвляли содержание поэмы. Думается, вопрос о связи Э. Дарвина и Шеллинга нуждается в уточнении.

Библиографический список

1. Бонавентура. Ночные бдения / Издание подготовили А. В. Гулыга, В. В. Микушевич, А. В. Михайлов. – М.: Наука, 1990. – 253 с.
2. Гулыга, А. В. Шеллинг / А. В. Гулыга – М.: Молодая гвардия, 1984. – 317 с.
3. Гулыга, А. В. Кто написал роман «Ночные бдения»? / А. В. Гулыга // Бонавентура. Ночные бдения. – М.: Наука, 1990. – С. 199–232
4. Овчарова, Е. Э. Реминисценции из романа Гете Страдания молодого «Вертера» в психологическом и визуально-синтетическом романе Эжена Фромантена «Доминик» / Е. Э. Овчарова // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности: коллективная монография. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2020. – С. 646–653.

Перевезенцева Анна Юрьевна

канд. филол. наук (НИУ «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия)
aperevezentseva@hse.ru

ОБРАЗ ВИНСЕНТА ВАН ГОГА И ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА В РОМАНЕ А. С. БАЙЕТТ «ЖИВАЯ ВЕЩЬ»

В статье раскрываются социально-психологические мотивы в авторском образе великого голландского художника Ван Гога в романе английской писательницы А. С. Байетт «Живая вещь».

Ключевые слова: английский роман XX века, А. С. Байетт.

Роман британской писательницы Антонии Сьюзен Байетт, «Still Life» (буквально: «Натюрморт», 1985 г.) в русском переводе получил название «Живая вещь». Творчество А. С. Байетт характеризуется большим количеством интертекстуальных и интермедиальных включений, которые находятся в сложнейших взаимоотношениях между собой и, подчиняясь авторскому замыслу, формируют смысловое поле текста.

Роман «Живая вещь» входит в «период творчества писательницы, на протяжении которого исследуются границы визуального и вербального» [1, с. 186]. В четырёх романах («The Virgin in the Garden», «Still Life», «Babel Tower», «A Whistling Woman») тетралогии, так называемого «Квартета Фредерики», А. С. Байетт рисует объемную картину жизни Великобритании начала 1950-х – конца 1960-х годов. Сама автор предпочитала не акцентировать внимание лишь на фигуре героини Фредерики Поттер, иронично подметив в интервью, что Фредерика относится тому типу людей, которые стремятся заполучить всё внимание (*«she's the sort of person who would muscle in and try to take it!»*). Что касается британской истории второй четверти XX века, то Байетт в гораздо большей степени сосредоточена на интеллектуальных, эстетических и духовных поисках, а также проблемах образования, семейных взаимоотношений и самоопределения, нежели на политике и экономике. Изображение представителей творческой и академической среды обуславливает многочисленные обращения к произведениям литературы и изобразительного искусства. Упоминания писателей, художников, а также (в гораздо меньшей степени) музыкантов, актёров, режиссёров не только обозначают круг